# ОТЗЫВ ОФИЦИАЛЬНОГО ОППОНЕНТА

о диссертационном исследовании Светланы Александровны Соловьевой «Синтаксис художественной прозы Б. Пастернака: лингвокогнитивный аспект», представленном на соискание учёной степени доктора филологических наук по специальности 10.02.01 – русский язык

Исследуемый в диссертации предмет – это процессы и способы текстообразования, важные как для становления русского литературного языка первой половины XX века, так и для его современного состояния. На наш взгляд, в текстовой культуре XX–XXI веков можно видеть, как стабилизировались и конкурируют два типа письма. Во-первых, это письмо, в синтаксисе которого доминирует эксплицированность логико-смысловых отношений (к чему, как известно, язык стремился в своей истории, вырабатывая специализированные грамматические средства). Во-вторых, это письмо, где эта специализированность грамматики намеренно преодолевается, где привычные логические связи имплицированы и доминирует многозначная логика, описываемая с помощью модели нечётких множеств и вероятностного прогнозирования. Второй, монтажный, тип письма, в прозе открытый в начале XX века, затем осваивался в сценаристике, эссеистике, мемуаристике, он вообще характерен для жанров дружеской переписки, заметок-размышлений, а также для отдельных драматургических и прозаических текстов. Понятно, что он изучен несравнимо меньше (не только по самому материалу, но и с точки зрения концепций и методик его лингвистической интерпретации). Этот второй тип письма позднее развился, он может выглядеть как, например, языковая игра со связностью текста.[1] Он может трактоваться и как минус-приём, так как выделить позитивные характеристики – особая исследовательская задача: привычных средств анализа не хватает.

В то же время накопившаяся критическая масса второго рода текстов, а также лингвистических (и шире – филологических) подходов, связанных с их интерпретацией, создаёт актуальность не только для исследования общих принципов данного типа письма, но и для осмысления феноменов его авторской стилистики, изучения соответствующих типов авторства. Диссертация С.А. Соловьевой в полной мере отвечает этому **актуальному** запросу, выводя описание принципов монтажного текстопостроения на новый уровень: это целостное исследование синтаксиса и в целом идиостиля Б. Пастернака как одного из значимых новаторов прозы XX века.

Концепция диссертации характеризуется **новизной**, поскольку не просто актуально восполняет нишу неисследованности синтаксиса монтажных текстов Б. Пастернака, но и предлагает оригинальную, системную, выверенную лингвистическую оптику, одновременно развивающую традиции исследования процессов текстообразования (это прежде всего синтаксическая школа

---

[1] А, например, в ученических сочинениях он часто трактуется педагогами, исходящими из парадигмы первого типа текстопостроения, как небрежность, предтекстовость, как черновые варианты письма.

РГПУ им. А.И. Герцена) и опирающуюся на новые понятия, положения и методики, разрабатываемые диссертантом. При этом **актуален** предпринятый С.А. Соловьевой синтез различных лингвистических подходов, удачно сработавший применительно к анализу монтажного типа текста и в целом к анализу идиостиля Пастернака. Диссертантом проанализированы современные филологические (и шире – гуманитарные) теории, они умело отобраны и подчинены поставленным в исследовании задачам. В современной филологической ситуации, когда разные школы, подходы настолько автономизировались, что иногда лингвист лингвиста понимает с трудом, выработка подобного синтеза и оформление интегрального лингвистического подхода весьма **актуальны и теоретически значимы**.

Подчеркнём и **актуальность** работы, связанную с лингвистической неизученностью синтаксиса текста ранней прозы Пастернака. Последние монографии, в том числе литературоведческие[2] дополнительно актуализируют потребность в подобном описании: синтаксические новации текстопостроения и инаковость кинематографичной прозы Пастернака давно требовали концептуализации, языковой интерпретации и нахождения способов лингвистического анализа текста. Ключ к этому предлагается в исследовании С.А. Соловьевой.

**Новизна** работы касается как материала, так и самого содержания работы: выявление тенденций функционирования монтажных фрагментов, реализуемых в них стратегий, роли грамматических форм и специфики таких процессов текстообразования, которые образуют идиостиль писателя и дают импульсы развития синтаксиса текста XX-XXI веков. При изучении новых языковых явлений очень важно определить исследовательские ориентиры для выработки продуктивных путей построения собственной научной концепции. В диссертации этот контекст обеспечивается опорой на функционально-семантические поля темпоральности, локативности, таксиса и др., а в теории текстообразования – на такие понятия, как концептуально значимый смысл, единицы текста, дейктичность текста, текстовые стратегии и др. Однако для описания внутренней сути самого явления не менее значимая задача – выделить исходное и наиболее важное противоречие, в рамках которого во всей полноте раскрывается исследуемый феномен. В диссертации такое противоречие прямо не называется, но по своей сути оно выявлено, поскольку с ним идёт системная, последовательная работа. Диссертация, посвященная способам развёртывания текста, движется в осмыслении противоречия линейной природы форм речи и нелинейности ее содержания, то есть исследуются отношения целостности и связности. В **теоретическом плане важно** следующее сквозное положение работы: с одной стороны, в монтажной прозе Пастернака налицо разрывы связности между компонентами паратактического ряда или монтажными фрагментами: связь здесь случайна, имплицитна, лишь вероятностна; с другой стороны, автор диссертационного исследования ут-

---

[2] См., например, книгу И. Кузнецова, С. Ляляева «Проза Б. Пастернака: мир, образ, текст» (2020 г.), где разбор синтаксиса авторам приходилось осуществлять по ходу литературоведческого анализа и тогда ещё не было возможности опереться на лингвистические исследования в области прозы Пастернака

верждает, что тем не менее линейность синтаксической связности и принцип ее синтагматической непрерывности не нарушаются (с. 20[3]) – здесь, конечно, речь идёт о целостности и новых способах ее создания, о выявлении этих способов. Для лингвистики текста это один из главных вопросов: каковы границы варьирования текстовых форм и текстовой концепции при разных типах взаимодействия целостности и связности – особенно в неклассическом тексте, в новых типах текстообразования, которые представил XX век и которые вошли в культуру русского текста. Проза Пастернака здесь занимает одно из важнейших мест. Выходом из этого противоречия и является разработка представления, по существу, о новом типе отношений связности и целостности, представленных в синтаксисе текста Пастернака и описанных в диссертационном исследовании С.А. Соловьевой через монтажный принцип, технику соположения, паратактические связи, дейктические ходы и другие средства текстообразования. В этом состоит главная **новизна** достигнутых соискателем результатов.

**Теоретическая значимость** работы прослеживается в методологии и методах исследования. Важно обратить внимание на два аспекта. Первый связан с последовательным применением (в теоретической и практической сторонах анализа) коммуникативных категорий (коммуникативная ось, читательская перцепция, стратегия, диалогичность и др.) – причём применением сквозным и концептуальным – настолько, что диссертация могла бы иметь и вторую подзаголовочную часть: «лингвокогнитивный и коммуникативный аспекты». Так, рассматривая специфику монтажного фрагмента у Пастернака, автор диссертации описывает ее на основе отношений «автор – текст – читатель», то есть в коммуникативном ключе, причём анализ «от читателя» занимает существенную часть (например: с. 80-82, 97, 110, 127 и др.). Этим последовательно создаётся ещё один тип интеграции – лингвистики и филологической герменевтики в понимании последней, например, Л. Фуксоном. Образцы такой интеграции мы видим при интерпертации фрагментов текста Пастернака: это проявляется при анализе категории дейксиса, при описании модусных категорий, явлений паратаксиса, синтаксического повтора. Этот аспект составляет заметную **новизну** работы и обеспечивает детализацию представления о целостности речевого произведения. Чтобы понять, что есть монтажный принцип, чтобы интерпретировать его как композиционно-синтаксический способ организации текста, необходимо различать два вида лингвистических категорий: когнитивные и коммуникативные. В диссертации сквозным образом показывается, как с точки зрения отношений «текст – действительность, текст – фрагмент представлений о мире» (то есть с когнитивных установок интерпретации) далеко не всегда понятно, как разные в денотативном плане ситуации могут сополагаться в тексте и какой образ выстраивается автором (например, когда идёт сплошное нанизывание и присоединение тем, ситуаций, денотативно и сигнификативно не связанных между собой). Однако если на этот соположенный ряд посмотреть с коммуникатив-

[3] Здесь и далее указываются страницы докторской диссертации С.А. Соловьевой.

ной точки зрения, то есть через призму отношений «автор – читатель», то можно видеть, как возникает целостность и как она обусловливается этими отношениями. Автор диссертации показывает нам эту коммуникативная событийность с её сополаганием тем и фрагментов текста как коммуникативно единых, обусловленных единой коммуникативной задачей, но часто когнитивно разрозненных и несвязанных. Это даёт возможность говорить о разных видах целостности: когнитивной и коммуникативной – и помогает понять, что логика целостности может исходить из разных оснований. Так развивается представление о разных видах целостности и связности. Связность, как собственно лингвистическая категория, может представать с разрывами логического, когнитивного, денотативного типа, но компенсироваться связностью коммуникативного типа, актуализационными, коммуникативными средствами текста. Некоторые типы монтажных фрагментов и способы их сшивания держатся как раз на коммуникативных средствах текстовой связности.

Второй сквозной, **теоретически значимый** аспект исследования связан с выработкой способов изучения динамического синтаксиса в его синхронном срезе. В данном случае основу реализуемого динамического подхода составляют включённые в методику лингвистического анализа отношения текста и разных видов контекста при становлении смысла; отношения читателя и автора (их специфические для произведений Пастернака отношения, опосредованные текстом монтажной природы, справедливо моделируются диссертантом как вероятностные, процессуальные, становящиеся); отношения логического и алогического, ассоциативного; отношения текстового монтажа и традиционных форм синтаксической стыковки текстовых единиц. Динамизм становления форм и смыслов как принцип, включённый в метод исследования, отражён в анализе монтажных фрагментов и теоретических выкладках, например, на стр. 6, 130 и др., а также в разделах 2.1, 2.2 и др.

Лингвокогнитивный аспект диссертации представлен весомо и вырабатывает **новые** представления, касающиеся специфики апелляции к мышлению, к самим отношениям языка и мышления. Здесь можно усматривать перекличку с понятием рекурсивности, актуализирующимся в современной методологии науки и в философской проблематике. Невозможно изучать текст только исходя из самого текста: его взаимодействие со средой, с широким культурным контекстом меняет представление о самом тексте. Предлагаемые автором лингвистические методы анализа (в первую очередь интерпретационный метод) в качестве среды взаимодействия рассматривают искусствоведческий контекст и способы модернистского мышления. Так, в диссертации показывается, каким образом импрессионистическое мышление, характерное прежде всего для изобразительного и музыкального искусства и исследованное ранее именно по отношению к ним, воплощается у Пастернака в литературном тексте. От общих положений первой главы (с. 27-28 и др.) до анализа конкретных текстовых фрагментов 2 и 3 глав (укажем, например, на один из наиболее удачно выполненных подразделов – 2.3.1) проводятся параллели с модернистским типом мышления, его коллажностью, импрессио-

нистическими способами восприятия действительности. До этого лингвокогнитивные исследования опирались прежде всего на логические категории и отношения (в синтаксисе в первую очередь). Связь с лингвокультурологией и «синтаксическим модернизмом» Пастернака в диссертации показана ясно и аргументированно. Это является **новым** ракурсом лингвокогнитологической проблематики, осуществлённой на материале синтаксиса текста. В проведении параллели между импрессионистическим мышлением и синтаксическими новациями Пастернака также заключается **новизна** работы.

Продолжая анализировать эту линию, можно сказать, что синтаксические явления русского языка (дейксис, модусные категории, способы выражения локативности и темпоральности, паратаксиса, функционирование пассивных конструкций, безличных предложений, возвратных форм, парцелляции и др.) исследуются погружёнными в текст, в область функционирования текстовых фрагментов. **Теоретически значимо** развитие исследовательского принципа взаимодействия системы и среды, важного для функционального подхода. В диссертации это обеспечивается двусторонним анализом: от текста к синтаксических явлениям высказывания и наоборот – от синтаксических конструкций к текстовым проекциям. Такое челночное движение даёт возможность выявить специфику синтаксиса текста Пастернака, а именно: выявить ряд приёмов текстообразования, связанных с моделированием пространственного, временного и субъектного дейксиса (с. 150-162 и др.) и уточнить отдельные понятия текстообразования, а в ряде случаев укоренить номинации и трактовки (грамматическая метафора» (с. 151), «сетка дейктических координат» (с. 159), дейктические проекции (с. 158.) и др.

**Актуальность** и **новизна** диссертации заключаются также в том, что в ней развиваются представления о паратаксисе и выделяются новые явления, в которых он реализуется. Если гипотаксис изучен намного подробнее, поскольку имеет множество грамматических показателей зависимости одного компонента синтаксической структуры от другого, то паратаксис (в том числе в силу малой маркированности) лингвистически описан не так подробно. Логический, логико-грамматический, формально-грамматический и другие подходы к изучению синтаксиса (и синтаксиса текста) в поиске способов описания отношений равноправия (особенно немаркированного) порождают целый ряд соотносимых понятий: паратаксис – свободное соединение (Е.А. Земская) – соположение – коннексия (М.Я. Дымарский) – ССП с присоединительными отношениями – монтажный принцип композиции – монтажный фрагмент текста – линейные отношения – агглютинативная техника сополагания (А.А. Реформатский) – нексус (О. Есперсен)… В этом ряду, который можно было бы продолжать, мы видим, как ищется терминологическая система для обозначения явлений, которые сложнее описываются, но в то же время всё чаще актуализируются в нашей речи. И чем дальше, тем больше (это разговорная речь, активно проникающая в сферу письменной речи, это эссеистика, письма, заметки, дневники, бессюжетная проза модерна и постмодерна, наброски, киносценарии и др.). С этой точки зрения т**еоретически значимо** сформированное в диссертации ядро понятий, позволяющих

описывать специфику подобных текстовых явлений и тенденций. В работе этот понятийный костяк (заметим, при очень широком охвате проанализированной лингвистической литературы) сделан по принципу минимакса, что важно как для теории синтаксиса текста и ее понятийного аппарата, так и для практики анализа подобного рода текстов.

Среди различных результатов исследования можно остановиться на одном из них для иллюстрации **новизны** полученных исследовательских выводов. В третьей главе, среди описания **новых** фактов и **новых** функций синтаксического повтора в монтажном тексте, одним из заметных результатов лингвистического исследования является разработка представления об особом виде темпоральности, реализующемся в тексте за счёт повторов. Автор метафорически называет это значение изображением «замирания, остановки времени», «временн***о***го уплотнения», «сгущения времени» (стр. 169-174 и др.) – видно, как автором диссертации подбирается номинация для такого рода значений, которые регулярно передаются синтаксическими повторами, но до этого практически не изучались. По сути, мы видим, как благодаря исследовательскому вниманию к такого рода явлениям обогащается описание поле темпоральности: ведь это не просто единичные контекстные употребления, не просто иллюстрация одного из видов темпоральных функций, а особый разновидность временной семантики, реализуемой текстовыми средствами, характерными в данном случае для монтажного письма. Это не укладывается в семантику итеративности или таксиса, а лишь пересекается с ними. Это управление перцептивностью (как пишет автор, «моделирование ситуации восприятия» – стр. 184), читательским восприятием времени для создания импрессионистического эффекта «остановки мгновения», выражения семантики «замедленного времени» средствами синтаксиса текста. В монтажном типе текста и в мировосприятии Пастернака этот тип семантики актуализируется наиболее явно, и он наверняка задаёт импульсы для его стабилизации в последующие периоды русского текстообразования XX века (здесь, как и во многих других местах, диссертация С.А. Соловьевой явно намечает перспективы новых исследований). И таких результатов работы, раскрывающих синтаксический идиостиль Пастернака в контексте его мировосприятия, с одной стороны, и касающихся синтаксиса текста и описания грамматики в функциональном аспекте – с другой, в работе достаточно для того, чтобы со всеми основаниями говорить о ее **научной новизне**.

Из методик анализа подчеркнем регулярную опору исследования на статистические данные: количественные показатели берутся не сами по себе, а выступают средствами дополнительной объективации при осуществлении интерпретационного анализа. В работе в целом весьма заметно стремление к разнообразию аргументации и к выверенности способв преподнесения выводов, которые делаются весьма деликатно, но с неизменным привлечением практического анализа, теоретических посылок и понятий, пристального анализа к лингвистическим исследованиям предшественников, использования выработанного в диссертации метода.

**Практическая значимость исследования**. Помимо того, что результаты исследования могут широко использоваться в вузовских курсах и составлять основу учебных пособий по анализу идиостиля писателя, лингвистического анализа текста, синтаксиса текста и функциональной грамматики, сделанные в диссертации выводы и предложенные способы описания текста, а также сам текстовый материал убеждают: необходимы практические пособия (в том числе для вуза и школы), которые показывают монтажный тип письма как актуальный способ текстообразования, востребованный современными носителями русского языка. Расширение представления о том, как писать тексты, в том числе, как обучать написанию текстов, должно получить методическое воплощение, и диссертация создаёт для этого хорошую основу. Тексты традиционной структуры (базирующиеся на логических связях и отношениях), безусловно, будут доминировать в методике обучения в качестве образцового материала, но многолетняя практика работы с учителями на курсах повышения квалификации показывает, что подрастающие поколения учеников и новые поколения учителей несут в себе монтажность мышления письма. Долгие годы работая с учителями и со студентами, я вижу, что иной, монтажный, способ изложения своих смыслообразов требует методической поддержки со стороны учителя; искусственность лишь одной стратегии текстообразования (основанной на выраженных причинно-следственных, пространственно-временных и др. логико-грамматических отношениях связности) несколько тормозит развитие реальных процессов текстообразования. Монтажный тип письма надо методически описывать, создавать пособия, защищать диссертации по методике, вводить его принципы в практику обучения. Может быть, тогда дети больше будут любить писать тексты сочинений – и вообще писать им станет легче: появится выбор способов развёртывания (кому-то легче строить текст, эксплицируя логические связи, а кому-то легче строить текст монтажным способом).

Необходимо отметить удачную композицию работы С.А. Соловьевой, ясный язык, общую научную эрудицию, концептуальность изложения и исследовательскую смелость автора диссертации. Из всех композиционных частей работы, пожалуй, одна в дальнейшем, то есть в будущих учебно-методических работах автора, требует более внимательного отношения: это касается словарика терминов, который мог бы быть более специфичным, более полным и более точным по отбору номинаций, по отсылкам к авторам и формулировкам. Однако такой словарик не является обязательным компонентом диссертационной работы, и это замечание носит рекомендательный характер.

Собственно же замечаний к работе мы выскажем два. Первое касается 4 главы, где подробно рассматриваются специфические черты техники монтажного соположения у Пастернака. Обращает на себя внимание теоретический вопрос о том, что есть синтаксическая связь в понимании диссертанта, в лингвистическом понимании. Так, в названии главы читаем: «Паратаксис и соположение как доминантные типы синтаксической связи…» Затем (стр. 223 и др.) видим иную формулировку: «паратаксис как синтаксическая связь

и соположение как техника связи – это способы актуализации синтаксических отношений». Паратаксис можно, конечно, считать видом синтаксической связи, хотя это несколько противоречит работам тех синтаксистов, на которых автор ссылается и в 4 главе, и в целом в диссертации. Отсутствие обсуждения этого вопроса и пояснения, из какой типологии синтаксических связей исходит автор диссертации, приводит к некоторым противоречиям. Если под синтаксической связью понимать способ проявления синтаксических отношений, а выбор связи трактовать как актуализацию тех или иных отношений, то получается, что и синтаксическая связь, к коей относит автор паратаксис, и техника соположения – это именно способы, формы, приёмы. Однако какой круг смыслов они проявляют и как обобщённая семантика паратаксиса или соположения уточняется при этом, не описывается специальным образом. Видимо, этому препятствуют смешение понятий синтаксической связи, синтаксической техники, синтаксических отношений и неопределённость типологии синтаксических связей, из которой исходит автор.

Второе замечание связано со слишком обобщёнными формулировками, содержащими недовысказанность интерпретаций, недовыраженность смыслов в некоторых итоговых формулировках. Так, в положении № 6 из выносимых на защиту говорится: «Дейктический модус художественной прозы Пастернака основан на авторской прагматике». Вероятно, это можно отнести к любому автору: у каждого из них дейктический модус подчинён их прагматике. Б*о*льшая конкретизация уточнила бы формулировку и её смысл, который далее, в самой диссертации, раскрыт по существу. Или на стр. 122 рассматривается интересный пример варьирования синтаксической конструкции в тексте, описывается значимый процесс её преобразования, но обобщённый вывод: «Способы трансформации являются прагматически характеризованными», – также представляет собой общее место, требующее уточнения применительно к конкретике сделанного анализа. На стр. 146 высказывается предположение, что высокий показатель частотности употребления конструкций с возвратными глаголами «является способом отражения индивидуального авторского сознания» – но в тексте, тем более художественном, в принципе всё является таким способом. Эти и подобные формулировки с очевидностью требуют конкретизации.

Также выскажем несколько вопросов дискуссионного свойства.

Вопрос первый касается определения монтажного фрагмента – основной рабочей единицы исследуемого текстового материала. В диссертационной работе монтажный фрагмент определяется как «полипропозитивный комплекс» (с. 40 и др.), но это не является дифференциальным признаком, как и то, что «монтажный фрагмент связан с формированием концептуально-значимого смысла» (с. 70). Вполне возможно, что только на основе внутренних характеристик монтажный фрагмент не определить, и тогда в определении монтажного фрагмента нужно прибегать к «внешним» характеристикам: к описанию способов стыковки одного текстового фрагмента с другим, определять такой фрагмент по монтажному шву и его типам, по взаимодействию

с контекстом слева / справа. ***Как следует определять монтажный фрагмент (интегрально – на основе и внутренних, и внешних признаков)?***

Вопрос 2. Автор диссертации показывает, что типы монтажных стыков, швов разнообразны. Один из них можно было бы назвать «присоединительным». Как известно, для синтаксических структур разных уровней характерен изоморфизм; в частности, это изоморфизм типов диалога, текста и видов сложного предложения[4]. ***Насколько подобный изоморфизм можно видеть в отношениях присоединительной конструкции (как разновидности сложносочинённого предложения) и некоторых видов монтажного принципа соединений текстовых фрагментов? Да и сам принцип присоединительности не изоморфен ли монтажному принципу текстообразования?***

Вопрос 3. Он касается термина «актуализирующая проза». Исторически русский синтаксис двигался от коннективного (или, в логике диссертации можно сказать, паратактического) архаичного синтаксиса к специализации средств для выражения тех или иных синтаксических отношений, но затем, особенно начиная с XX века, в тексте мы видим конкуренцию двух начал. С одной стороны, выработку новых средств для актуализации синтаксических отношений (например, это усиливающиеся номинативность, парцеллированность, абзацирование и т.п.). С другой, видим процессы дезактуализации, именно в тексте: автор диссертации показывает, как идёт ослабление способов однозначного маркирования текстовых отношений, утрата «текстовой иннективности», усиление многосмысленности и вероятностного характера интерпретации, что связано с повышением роли читателя и частичной передачей ему ответственности за смысл. И проза Пастернака – тому мощное доказательство. Намеренно усиливается не маркировка собственно логических (разворачивающихся в рамках двузначной логики) отношений, но алогичное, ассоциативное, диалогичное начало, образующееся на стыке «автор-текст-читатель». Возникает вопрос: ***это актуализирующая или дезактуализирующая (или какая-то ещё?) проза? Возможно, есть смысл поискать термин, поскольку выявленные реалии требуют не вписывания в известные понятийные номинации, а скорее поиск нового, своего, иного терминирования, чтобы удержать описываемую в исследовании специфику?***

Вопрос 4. В работе большое внимание уделено повтору, его функциям и формированию новых текстовых реалий, семантики синтаксических отношений. Это один из важных, наиболее выразительных аспектов работы, которому посвящена и отдельная глава. По приведённым многочисленным примерам мы видим, что большую долю занимают анафорические повторы лексического и синтаксического типов. При знакомстве с этими примерами возникала перекличка с явлением анафоры (лексическим и синтаксическим её типами, хорошо изученными в филологии, частично и по отношению к прозе). Однако в работе к термину «анафора» (при анализе, по сути, анафорического повтора) автор не прибегает. В связи с этим вопросы: ***намеренно или нет***

---

[4] Об изоморфизме такого свойства писала, например, С.Г. Ильенко, развивая идеи С.О. Карцевского.

***избегались традиции описания прозаической анафоры и выявлялась ли разница между функциями анафорического и неанафорического повторов в монтажном фрагменте?***

Высказанные вопросы носят дискуссионный характер, они не снижают общей высокой оценки работы, которая характеризуется несомненной научной новизной, концептуальностью идей и методов их лингвистической разработки, теоретической значимостью результатов исследования, их научной перспективностью для целого ряда более частных исследований и практической ориентированностью. Диссертация Светланы Александровны Сольвьевой «Синтаксис художественной прозы Б. Пастернака: лингвокогнитивный аспект» является самостоятельным, оригинальным и завершённым исследованием, содержит принципиально новый лингвистический взгляд на исследованный языковой феномен, является существенным вкладом в изучение современного русского литературного языка в области синтаксиса, текстообразования, идиостиля писателя, а значит, соответствует п. 9, 10, 11, 13, 14 «Положения о присуждении учёных степеней» в редакции Постановления Правительства РФ от 24.09.2013 № 842, с изменениями Постановления Правительства РФ от 21.04.2016 № 335; а ее автор – Светлана Александровна Соловьева – заслуживает присвоения ей искомой учёной степени доктора филологических наук по специальности 10.02.01 – Русский язык.

Максимова Наталия Викторовна,
доктор филологических наук,
доцент, профессор кафедры истории
театра, литературы и музыки
Государственного автономного
образовательного учреждения высшего
образования Новосибирской области
«Новосибирский государственный
театральный институт»

23.08.2022

Подпись Максимовой Н.В
ЗАВЕРЯЮ
Начальник ОК Вирченко
23 августа 2022г.